

Когда Цзян Жань начинала свой путь, понятия «низших девяти сословий», укоренённого в жёсткой классовой системе феодальных династий, уже не существовало. В те времена статус поваров постепенно рос, многие разбогатели благодаря своему мастерству, а некоторые добились и славы, и богатства. Выходя в свет, они слышали почтительное «шеф».

Однако блеск и роскошь были уделом лишь избранных. В бескрайнем море китайской кухни поваров — не счесть. Повсюду ютились забегаловки, на каждом углу дымили ночные ларьки, в бесчисленных китайских едальнях повара тянули самую тяжёлую ляжку. Зачастую они и выглядели соответственно — замызганные, неразговорчивые.

Цзян Жань начинала с ученичества, а затем, оттачивая мастерство, отправилась странствовать по стране — чтобы глаз наметался. Она и в заведениях с фирменным блюдом помогала, и в казавшихся грязными уличных закусовых опыт перенимала. Восемь великих кухонь — сычуаньская, шаньдунская, кантонская, сучжоуская, чжэцзянская, фуцзяньская, хунаньская, анхойская — конечно, не все она постигла в совершенстве, но с каждой столкнулась.

Сотни людей — сотни блюд.

Чтобы отведать сотни блюд, она, естественно, повидала сотни людей, а заодно — и пренебрежение, и презрительные взгляды, и откровенную несправедливость. Она видела: в этом ремесле есть те, кто щеголяет в дорогом, но большинство — в засаленном.

Несправедливость, доставшаяся в наследство от прошлого.

Но время даровало поварам и новые возможности. В эпоху Цзян Жань люди ценили деньги. Поэтому, если повар мог зарабатывать прилично, он спокойно обзаводился семьёй и её кормил. А если доход был выше среднего, о нём говорили уже с завистью.

Повар, что хорошо зарабатывает, всегда в почёте. А Цзян Жань принадлежала к тем, кто зарабатывал особенно хорошо.

Её наставник был знаменитым мастером сучжоуской кухни, сама же она обладала талантом да трудолюбием — горизонты перед ней открывались безграничные. Когда она официально завершила обучение, многие отели захотели её переманить, засыпая всё более щедрыми предложениями.

Так что она была из тех, кому благоволили кухонные боги. Но и ей довелось хлебнуть предвзятого отношения к профессии.

«Разве женщина может быть хорошим поваром? Она, поди, и кость-то не разрубит!»

«Работа на кухне тяжёлая — женщине ли её тянуть?»

«Целый день у плиты торчит, от неё жаром и жиром несёт — кто такую замуж возьмёт?»

Подобного Цзян Жань наслушалась вдоволь. Характер у неё был прямой, с любимым она на три части улыбки готова, да и наставник её пользовался огромным уважением. Поэтому в лицо ей такого не говорили, но за спиной — сколько угодно.

Предрассудки людей глубоки и живучи. Цзян Жань обычно пропускала их мимо ушей — она любила своё дело и считала таких людей просто неотёсанными. Но со временем, сама того не замечая, она всё же впитала эту грязь.

Например, подсознательно она стала считать профессию повара непрестижной. С такой установкой она легко решила, что королевская семья Империи вряд ли обрадуется, если наследная принцесса приведёт в дом жену-кухарку. Даже сегодняшнюю мысль, будто Ци Лянь её презирает, она вывела из этого же подсознательного убеждения.

Человек сам себя унижить — страшнее всего.

Цзян Жань не осознавала, что время оставило на ней свой след. Сейчас она изо всех сил пыталась подавить разъедающее чувство досады.

Пока Цзян Жань скрежетала зубами, Ци Лянь погрузилась в раздумья. Она пыталась понять: с какого момента блюда, приготовленные Цзян Жань, стали для неё чем-то личным, почти собственностью?

С тех пор, как эти пиршества стали неизменным спутником её трёх daily meals? Или с тех пор, как Цзян Жань стала выдумывать всё новые кушанья?

Наверное, они были просто слишком вкусными. Настолько, что пробудили в ней это скупое, цепкое чувство. В конце концов, она никогда не была щедрой натурой. Раньше не могла отпустить трон наследницы, а теперь жаждет прибрать к рукам даже кулинарный талант Цзян Жань?

Но даже если приберёт — на сколько лет её хватит? Лицо Ци Лянь постепенно теряло цвет.

Её молчание чуть не заставило Цзян Жань сломать зубы. Та смотрела на неё, не видя и намёка на объяснение, и наконец сдавленно рассмеялась: «Если презираешь — зачем тогда каждый день уплетаешь то, что я готовлю? Ци Лянь, ты лицемерка».

Ци Лянь, оглушённая этой внезапной атакой, сменила подавленную грусть на изумление: «Какой презор?»

Цзян Жань холодно фыркнула: «Не притворяйся! Разве не презираешь? Жаль, поздно — моя будущая профессия именно повар, и я её не изменю ради твоего смешного самолюбия».

Она была как ёж, почуявший угрозу, — выставила все иглы, острые и жёсткие, способные и врага отпугнуть, и больно уколоть.

Ци Лянь ощутила внезапную волну враждебности и удивилась ещё больше: «Я не презираю тебя».

Цзян Жань с покрасневшими глазами уставилась на неё: «Да? Тогда что означали твои слова?»

Ци Лянь слегка кашлянула, чувствуя неловкость: «Я просто подумала... ты же ещё в университете. Не рано ли о таком задумываться? Поэтому и сказала — не очень хорошо».

Цзян Жань с подозрением посмотрела на неё: «Правда, только поэтому? И не презираешь?»

Она не верила Ци Лянь, но отчаянно хотела верить — чтобы иметь оправдание и не продолжать этот тягостный спор. Любовь и вправду ослепляет. Даже если это лишь росток чувства, перед Ци Лянь она готова была превратиться в полную дуру.

Ци Лянь беспомощно развела руками, обнажив тонкие запястья: «С чего бы? Ты готовишь так здорово, что я только восхищаюсь. Какой может быть презор?»

Она и сама не понимала, откуда у Цзян Жань такие мысли.

Цзян Жань немного оттаяла, но обида ещё kloкотала внутри, и потому она твёрдо, без колебаний заявила: «Всё равно. Ресторан я открою обязательно».

Тон был такой, что сомнений не оставалось — она всё ещё злилась. Ци Лянь принялась гладить по шёрстке: «Хорошо, хорошо, откроешь. Обещаю, мешать не буду». Теперь она и сама поняла — это была минутная слабость, прихоть. Но какое в ней значение? Цзян Жань ещё так молода, впереди у неё целая жизнь. А у неё, Ци Лянь, будущего нет. Неужели она будет держать её при себе из эгоистичного желания?

Не удержит. Её собственная жизнь коротка, как у подёнки. Даже если захочет обладать — на сколько её хватит?

Цзян Жань, видя, что Ци Лянь сдалась так легко, наконец-то поверила. Убедившись, что та не станет препятствовать и даже предложила помочь с помещением, она покачала головой.

«Не суетись. Я и не собираюсь открываться сразу. Ты же сама сказала — я ещё учусь. Подожду до диплома». Цзян Жань сказала это, вспомнив свои прежние опасения, и сухо усмехнулась: «Чувство долга у меня есть. Пока наш брак в силе, я не стану создавать тебе проблем или позорить Империю».

«Какие проблемы?» — Ци Лянь выглядела искренне озадаченной.

Цзян Жань невнятно пробормотала: «Ну... насчёт того, чтобы стоять у плиты».

«Какие тут могут быть проблемы?» — Ци Лянь даже голос повысила от изумления.

«Как это — какие? Разве королевская семья не печётся о своей репутации? Не надо притворяться, что тебе всё равно, просто чтобы меня утешить». Цзян Жань махнула рукой, изображая полное понимание.

Но на самом деле она сама запуталась окончательно.

Тут до Ци Лянь наконец дошло, о чём всё это время беспокоилась Цзян Жань. И впрямь глупышка — даже мысли у неё наивные, детские.

Голова начала пульсировать. «С чего ты взяла, что королевская семья сочтёт это позором?»

Цзян Жань замерла: «А разве не должна?»

Ци Лянь потерла виски, между смехом и вздохом: «Нет, конечно нет. Повар — профессия почётная. С чего бы ей позорить репутацию?»

«Серьёзно?»

Цзян Жань смотрела на Ци Лянь широко раскрытыми глазами, губы её чуть приоткрылись.